

— НАУКА. СОЗНАНИЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ. —

ДВЕРЬ МЕЖДУ СРЕЗАМИ

— ПОТЕРЯННОЕ НАУЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ —

ПОВЕСТЬ

$\Omega \neq$

Вещь во
Вселенной.

Вселенная —
это срез
 Ω .

$\Delta S = 0$

\Rightarrow дверь

$$\mathcal{R}[C, L] = \frac{1}{2}$$

$$\sum_{a \neq b} w_a w_b \Phi(d_L(z_a, z_b))$$

$$d_L(x, y)^2 =$$

$$\sum_{\mu=1}^{\infty} L_{\mu}^2 (x_{\mu} - y_{\mu})^2$$

$$\Delta t_U =$$

$$\frac{\Delta D_{\mathcal{R}}(S_i, S_{i+1})}{c_U^2}$$

$$O(U, V) =$$

$$\frac{1}{3} \text{Tr}(P_U P_V)$$

Если я ошибаюсь,
я умираю здесь.
Если я прав,
я не умираю
нигде.

ВСЕЛЕННЫЕ РЯДОМ.
ДОСТАТОЧНО ИЗМЕНИТЬ СРЕЗ.
ДОСТАТОЧНО СОХРАНИТЬ СЕБЯ.

Между срезами

Максим Тау

Дверь между срезами

«Автор»

2026

Тау М.

Дверь между срезами / М. Тау — «Автор», 2026 — (Между срезами)

В запертой лаборатории Б-17 исчезает физик Илья Надиров. Тела нет. Остались кровь, формула на стене и красный лист, которого не должно быть в нашем мире. Следователь Мария Верницкая начинает обычное расследование, но быстро понимает: это не преступление в привычном смысле. Надиров пытался доказать, что параллельные миры не находятся далеко — они отличаются от нашего углом проекции. И иногда между ними возникает дверь. Но дверь оказывается не проходом, а сделкой: чтобы человек продолжился в другом мире, прежнее объяснение его жизни должно разомкнуться. «Дверь между срезами» — научно-фантастическая повесть о памяти, личности и цене открытия. О том, что человек — это не только тело, а цепочка доказательств, которую мир однажды может переписать.

Содержание

Пролог. Уравнение на бетонной стене	5
Глава 1. Человек, который не любил частицы	7
Глава 2. Девочка из чужого лифта	10
Глава 3. Вещдок №7	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Тау

Дверь между срезами

Пролог. Уравнение на бетонной стене

Когда оперативная группа вскрыла лабораторию Б-17, первым заметили не кровь. Первым заметили формулу. Она была выведена черным маркером прямо по серой бетонной стене, огромными неровными буквами, будто рука писавшего спешила не за мыслью, а за исчезающим миром.

$\Omega \neq \text{thing inside the Universe}$

Ниже, почти у пола:

$\text{Universe} = \text{slice through } \Omega$

И еще ниже, обведенное трижды:

$\Delta S = 0 \Rightarrow \text{door}$

Следователь Мария Верницкая стояла в дверях и смотрела на эти строки дольше, чем позволяла процедура. За ее спиной тихо шелкали фотоаппараты, криминалист ставил желтые таблички, а молодой лейтенант пытался не смотреть на темную дорожку крови, тянущуюся от письменного стола к центру комнаты.

В центре стояла круглая платформа на шести черных керамических опорах. Она была похожа на деталь ускорителя, на театральную декорацию и на капкан одновременно. Вокруг платформы возвышались восемь стоек с вложенными кольцами резонаторов. Провода уходили

в пол, в стены, в шкафы с аппаратурой, на мониторы, где еще мерцали графики, похожие на кардиограмму умирающей звезды.

Тела не было.

Была кровь. Были следы ожога на краю стола. Был запах озона, мокрого бетона и пыли после грозы, хотя в ту ночь над Черноголовкой стояла сухая июльская жара.

У самого плинтуса лежал лист. Маленький, темно-красный, с прожилками почти черного цвета. Криминалист сначала принял его за бумажный обрывок, потом за лист клена, занесенный обувью. Но в июле под окнами Б-17 росли липы, и ни один протокол не объяснял, почему лист был влажным от дождя, которого не было.

Мария заметит его позже, на увеличенной фотографии. В первый осмотр лист просто не попадал в смысл сцены. Как не попадает в смысл комнаты рисунок, если он нацарапан в трещинах штукатурки.

Впоследствии экспертиза установит: кровь – человеческая, группа совпадает с медицинской картой Надирова. Объем — странный. Слишком много для пореза. Слишком мало для смерти, если смерть вообще обязана оставлять правильные цифры.

Эту фразу Мария не включит в протокол. Позже она запишет ее на обороте фотографии и потом три раза зачеркнет: кровь — не доказательство смерти. Кровь — расписка старого мира.

На столе лежала раскрытая тетрадь профессора Ильи Надирова. Последняя строка была написана тем же черным маркером, только мельче.

Мария наклонилась и прочитала:

Если я ошибся, я умер здесь.

Если я прав, я не умер нигде.

Глава 1. Человек, который не любил частицы

За десять лет до исчезновения Илья Надиров прочитал в Физтехе лекцию, которую потом вспоминали с раздражением, смехом или страхом, в зависимости от того, кто вспоминал.

Аудитория была полна. Не потому, что Надирова любили. Скорее наоборот. Молодой теоретик из Черноголовки успел прославиться неприятной привычкой говорить с профессорами так, будто они тоже могли ошибаться.

Тема на афише звучала скромно:

«Проекционная модель множественности частиц»

Надиров вышел к доске без презентации. Это уже было вызовом. Он взял мел, нарисовал окружность, потом вторую, пересекающую первую, потом третью.

— Физика совершила ошибку, когда научилась давать имена, — сказал он.

В аудитории кто-то усмехнулся.

— Электрон, мюон, тау. Нейтрино. Кварк. Фотон. Гравитон, хотя мы его и не видели. Темная материя, потому что честное «мы не понимаем» звучит недостаточно научно. Мы создали зверинец. Но каталог зверинца не является теорией леса.

Он написал:

много частиц → один объект

Ниже:

много сил → одно сопротивление

И еще:

много миров → одно множество трехмерных срезов

С первого ряда поднял руку академик Лев Коган, человек с лицом, привыкшим хоронить чужие идеи.

— Илья Сергеевич, вы предлагаете еще одну модель скрытых переменных?

— Нет.

— Еще одну бранную космологию?

— Нет.

— Струнную теорию в новой упаковке?

— Нет.

— Тогда что?

Надиров улыбнулся.

— Ошибку. Возможно, меньшую, чем предыдущие.

Он повернулся к доске.

— Представьте, что существует только один настоящий объект. Обозначим его омега — Ω . Не частица, не поле, не Вселенная. Носитель всех возможных конфигураций. То, что мы называем частицей, не вещь, а проекция Ω в наш активный трехмерный сектор.

Он провел прямую через пересекающиеся окружности.

— Если резать яблоко под разными углами, вы не создаете новые яблоки. Вы получаете разные сечения. Физика сто лет описывает форму сечений.

Коган прищурился.

— А силы?

— Сопротивление.

— Чему?

— Несовместимой проекции.

Надиров написал формулу, которая позже появится в тетрадах следствия:

$$\mathcal{R}[C, L] = \frac{1}{2} \sum_{a \neq b} w_a w_b \Phi(d_L(z_a, z_b))$$

— Это похоже на парный потенциал, — заметил аспирант с задних рядов.

— Это и есть парный потенциал, — не оборачиваясь ответил Надиров. — Только не в нашем пространстве. Наше пространство — то, что остается после стабилизации сопротивления.

Он дописал расстояние:

$$d_L(x, y)^2 = \sum_{\mu=1}^{\infty} L_{\mu}^2 (x_{\mu} - y_{\mu})^2$$

— Здесь L_{μ} — не размерность в школьном смысле. Это количество пространства, выделенное μ -ному скрытому направлению. Большинство направлений сжаты почти до нуля. Три остаются большими, потому что три — минимальный устойчивый срез, позволяющий замыкание без схлопывания.

— Вы это выводите? — спросил Коган.

— Пока не полностью.

— Значит, выбираете.

— Пока да. Но настоящий вопрос в том, выбран ли тетраэдр нами, или он вынужден сопротивлением.

Коган усмехнулся.

— Очень удобно.

— Нет, — сказал Надиров. — Удобные идеи не отнимают сон.

В тот вечер, уже в гостинице у Ярославского вокзала, он записал на обороте билета строку, которую потом вычеркнет, а потом снова восстановит в тетради:

Если срез отвечает до вопроса, это уже не геометрия.

Это собеседник.

Или прибор, в котором мы не пользователи, а показания.

Он долго смотрел на эту фразу, пока бумага не начала казаться ему опаснее доски в аудитории. Уравнение можно оспорить. Ответ мира — только заметить.

Коган в тот день смеялся громче всех, но именно он первым понял, что Надиров опасен не безумием, а честностью. На полях программы лекции академик написал: *“если это ошибка, она слишком хорошо выбирает слабые места физики”*. Потом скомкал лист и все равно забрал с собой.

Для Надирова этот смех был нужен. Без Когана теория быстро стала бы религией одного упрямого человека. Коган заставлял его каждый раз возвращаться к формуле и спрашивать: где здесь желание, а где необходимость?

Так Лев Коган, не осознавая своей роли, стал сопротивлением, без которого дверь могла бы открыться слишком рано.

Глава 2. Девочка из чужого лифта

Первый знак пришел не из формулы, а из старого лифта.

Здание института в Черноголовке было построено в ту эпоху, когда бетон считался аргументом. Лифт в корпусе теории скрипел, дрожал и иногда застревал между этажами так часто, что большинство сотрудников ходили пешком.

В ту ночь Надиров спускался один. Было почти два часа. Под мышкой он нес коробку с выброшенными СВЧ-резонаторами, которые экспериментаторы сочли устаревшими, а он — пригодными для глупостей.

Лифт остановился на втором этаже.

Двери открылись.

На площадке стояла девочка лет шестнадцати. Короткие темные волосы, синее школьное пальто, мокрые рукава. Она смотрела на Надирова так, будто он появился в ее лифте, а не она в его.

— Вниз? — спросила она.

Голос был обычный московский, но с крошечным сдвигом в ударениях, как у человека, выросшего в городе, где улицы называются почти так же.

— Вниз, — сказал Надиров.

Она вошла.

Лифт дернулся и поехал.

На первом этаже двери открылись не в холл.

Стены были те же. Табличка с пожарным планом та же. Но за стеклянными дверями должен был быть двор, липы, стоянка, желтые окна охраны.

Вместо этого за дверями шел дождь снизу вверх.

Не ветер гнал капли. Не отражение. Капли падали с земли в небо.

Девочка побледнела.

— Только не опять, — прошептала она.

Надиров выронил коробку.

Двери лифта закрылись.

Лампы мигнули.

Когда двери открылись снова, холл был обычным. Двор, липы, охрана. Дождя не было вовсе.

Девочка исчезла.

На полу лежала синяя пуговица от ее пальто.

Три дня Надиров не спал.

Он проверял пуговицу так, как физик проверяет чудо, чтобы уничтожить его. Пластик. Хлопковая нитка. Следы кожи. Пыль. Ничего невозможного.

А потом масс-спектрометр показал изотопные соотношения углерода, отличавшиеся от местного биологического фона на шесть сигм.

Не инопланетная вещь.

Не магия.

Просто слегка не отсюда.

В тетради он написал:

Параллельная Вселенная не где-то далеко.

Это соседний трехмерный сектор с другой активной базой.

Лифт не двигался в пространстве.

Он пропустил срез.

Позже он много раз пытался представить, кем была девочка в синем пальто. Заблудившимся ребенком? Наблюдателем из соседнего сектора? Ошибкой лифта? Но чем больше он думал, тем яснее понимал: она была не ответом, а вопросом, которому почему-то позволили войти в его мир.

Она ничего не объяснила. Только оставила пуговицу. И этого оказалось достаточно, чтобы вся его теория перестала быть лекцией и стала ответственностью.

В будущих тетрадях Надиров будет называть такие предметы *“забытыми вещами мира”*: не доказательства, а зацепки. Дверь никогда не начинается с двери. Она начинается с вещи, которую мир забыл убрать.

Глава 3. Вещдок №7

В деле Б-17 синяя пуговица значилась как вещественное доказательство №7. Номер был случайный, как почти все в следственных папках, пока случайность не начинает повторяться.

Мария держала контейнер двумя пальцами и думала о том, что у невозможного часто бывает унизительно бытовая форма. Не портал. Не световая воронка. Не черная дыра на ладони. Пластиковая пуговица с остатком хлопковой нитки.

Эксперты написали сухо: материал распространенный, следы органики присутствуют, изотопный состав не совпадает с локальным фоном. Один молодой специалист добавил карандашом на полях: *“как будто вещь долго лежала рядом, но не здесь”*. Потом зачеркнул. В окончательный отчет фраза не вошла.

Мария не умела читать формулы Надирова. Зато она умела читать людей, которые боятся собственных выводов. В этих тетрадах страх был аккуратнее почерка.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.